

Александр С.

ЕГО

единственная жизнь

Александр С.

Его единственная жизнь

<https://litres.ru/74292768>

SelfPub; 2026

Аннотация

Каждая жизнь единственна.

Каждая жизнь - это пьеса, в которой ты исполнитель главной роли

Каждая жизнь - это роман, в котором ты главный герой.

Каждый человек может написать книгу, если это книга о собственной жизни,

даже в том случае, если это будет его единственная книга.

Содержание

Начало, которого могло не быть.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Александр С.

Его единственная жизнь

Начало, которого могло не быть.

Что его всегда поражало, так это то, что ему всё-таки удалось родиться. Казалось, у него не было шансов. Его родители родились и жили в удаленных друг от друга частях страны, вероятность их встречи была почти нулевой.

Отец мог погибнуть во время войны, когда его часть попала в окружение и в живых остался только он с двумя товарищами. Мать чудом не ушла под лед Ладожского озера, когда они с бабушкой эвакуировались из блокадного Питера.

После войны они жили в разных городах и встретиться могли только чудом, но всё-таки встретились. И через месяц поженились.

А потом у отца на работе случилась авария. Отец работал на ТЭЦ инженером-теплотехником. Паровой котел вышел из строя и пока отец пытался разобраться, в чем дело, котел взорвался. По всем раскладам отец был на волосок от смерти, но, к счастью, выкарабкался, потеряв часть волос и зубов. Но именно это было главным, что спасло его от долгого и мучительного путешествия в места не столь отдаленные.

И всё же нашему герою удалось родиться. Вопреки време-

ни, месту и обстоятельствам. Он родился через шесть лет после той страшной войны в классической советской семье начала пятидесятых. Отец — инженер, мать — врач: что может быть обычнее и привычнее для того времени и того места? Ленинград, коммунальная квартира на Васильевском острове, мама, папа, две бабушки и тетка, а в центре он и его единственная жизнь под их внимательным приглядом.

Рассказывают, что он родился на пару месяцев раньше срока и первые недели провел в специальном боксе для новорожденных.. К радости родных и близких, ему удалось выбраться оттуда живым, однако не без последствий. Первые годы жизни он был слаб, худ, непрерывно болел и поздно начал ходить.

Воспоминаний о первых пяти годах у него почти не сохранилось. Ни горячий песок на берегу Финского залива, в который зарывали его слабые ножки (рекомендация врача), ни уютный литовский городок Зарасай, куда они всей семьей приезжали летом, не оставили в его памяти почти никаких следов.

Коммуналка в Питере запомнилась намного лучше. В их большой комнате с окнами выходившими на Средний проспект жили кроме него мама, папа и одна из бабушек. Другая бабушка жила в комнате рядом, а еще в одной - тетка из Могилёва старая дева странная и одинокая.

Запомнились соседи: лысоватый дядечка средних лет, некто Аренков, которого почему-то считали «аферистом»,

высокая старая дама с папиросой, ее уважительно называли «инженером», мать со взрослой дочкой, красавицей и модницей, о ее поведении отзывались неодобрительно. Наверное, были и другие, но они бесследно исчезли из его памяти.

Летом, когда открывались окна, с улицы доносилось множество звуков: тревожные звонки трамваев, сердитые автомобильные гудки, скрип ворот и проч., проч., от чего улица казалась ему дышащей, весёлой, живой.

Еще интереснее были прогулки с бабушкой. Первый, кого они встречали, был толстый и важный дворник в белом фартуке. Обычно он сидел у ворот на скамеечке и зорко вглядывался во всех входящих и выходящих. Знакомым он приветливо кивал, незнакомых оглядывал с головы до ног: много позже юный Санечка узнал, что на дворниках лежит важная обязанность высматривать крамолу и докладывать куда следует.

А за воротами начиналась веселая уличная жизнь. Трамваи, автобусы, грузовики, легковушки двигались стадами от перекрестка к перекрестку и непрерывно гудели. Звуки были разные: сердито-нетерпеливые («Пошевеливайся!»), зазывающие («Садись, прокачу!»), предупреждающие («Поберегись!»), но особенный восторг вызывали у него сирены пожарных машин, с боем берущих пересечения улиц.

С проспекта, называемого Средним, он с бабушкой переходил на линию номер 7, постепенно двигаясь к Малому проспекту. В отличие от проспектов, линии в то время были по-

что безлюдны, да и машины проезжали редко. Ему становилось скучно, он начинал нить, имитируя усталость, и бабушка сажала его в коляску. Впрочем до заветной цели, садика на углу Малого оставалось не так много.

Там его уже ожидала песочница. Ведерко, формочки, совок и всё в этом роде. А еще лужи, в которые так интересно топтать ногами, так что брызги грязной воды разлетаются во все стороны. Кроме песочницы и луж в его поздних воспоминаниях и снах всегда всплывала старая церковь, в то время превращенная в склад чего-то там.

Стены церкви могли многое рассказать о ветхости и заброшенности, но в детстве его занимало совсем не это.

Иногда дверь храма была открыта, и ему удавалось заглянуть внутрь. Но, увы, там не было ничего, кроме каких-то уродливых ящиков, плохо контуры которых с трудом удавалось различить в темноте. И ощущение некоей тайны не покидало его: зачем для этих ящиков было выбрано столь причудливое строение с башенками, крестами и странной картинкой над входом.

Впрочем многое из раннего детства он почти не помнил, Разве вот удивительный велосипед о трех колесах, на котором он учился ездить во дворе колодце, бутерброды с красной икрой, автобусы с намощенными лбами на лобовым стеклом.

отрочество предпочитал не вспоминать, а из своей юности не помнил ничего, кроме разрухи вокруг и постыдной слабости внутри себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.